

С другой стороны, экономика созданного гераклейцами Херсонеса Таврического в ранний, следующий за основанием период истории города по существу сводилась к земледелию. Обширные земли Гераклейского полуострова, на котором был основан Херсонес, являлись сельскохозяйственной территорией города. В первый период жизни города усадьбы граждан Херсонеса, в окружении клеров, занимали территорию лишь западной оконечности Гераклейского полуострова — Маячного полуострова. Памятники земледелия здесь датируются IV в. до н. э.; часть их существовала еще в V в.¹² Изучение материалов по истории клеров и усадеб Гераклейского полуострова, а также северо-западных крымских земель Херсонеса позволяет сделать вывод о ведущей роли земледелия в экономической жизни Херсонеса с момента основания города¹³.

Таким образом, Гераклея — город, проводивший колонизацию, — характеризуется ярко выраженной аграрной направленностью своей экономики. Город переживает разорение своей хоры. После этого он создает колонию, новый город, который находится всецело во власти земледельческих интересов. Получается одна линия связанных друг с другом обстоятельств, как будто бы взаимно обусловленных. Предполагаемая причина выселения из Гераклеи становится вероятнее в свете обрисованного характера метрополии и ее колонии.

В литературе отмечалась роль лишь внутренней борьбы в созидании гераклейской колонизации. Мы пытались обратить внимание на иные моменты, также, возможно, действовавшие в том же направлении формирования колонизационного движения. Однозначное решение проблемы исходных позиций гераклейской колонизации ныне представляется вряд ли возможным.

Р. Е. ЛЯСТ

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О КОЛЛЕГИИ АВГУСТАЛОВ В ОСТИИ В I—II ВВ. Н. Э

В эпоху римской империи важнейшей частью структуры государственного правления стали различного рода коллегии

¹² Стрежелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического. — Херсонесский сборник, VI. Симферополь, 1961, с. 29—43.

¹³ Этот вопрос затронут в своей диссертационной работе А. Н. Щеглов («Северо-западный Крым в античную эпоху»). С рукописью его работы мы имели возможность ознакомиться.

и корпорации. Это, прежде всего, самый древний вид коллегий, объединявший людей одной профессии — коллегии ремесленников различных специальностей, торговцев, корабельщиков, актеров и т. д. Кроме того, были коллегии, образованные из рабов и отпущенников отдельных фамилий (*collegia domestica*)¹; существовали коллегии, объединявшие людей, преимущественно малоимущих, с религиозными и похоронными целями. Коллегии эти еще римские юристы называли коллегиями малых людей (*collegia tenuiorem*)².

Были свои коллегии и у верхушки городского плебса и императорских отпущенников (например, коллегия почитателей ларов и изображений императоров). Различные объединения римского общества в разное время занимали неодинаковое общественное положение, но в рассматриваемый период императорское правительство поощряет деятельность самых различных коллегий и корпораций, которые в отличие от республиканского периода утрачивают свой политический характер и превращаются в сугубо надежные организации, вся жизнь которых контролируется правительственными органами. Более того, многие коллегии, особенно те, которые были связаны с общественно-полезной деятельностью, стали важнейшими проводными ремнями государственного аппарата. Вместе с тем римские императоры создавали коллегии и чисто политического характера, которые вместе с профессиональными коллегиями играли важнейшую роль прежде всего в крупных промышленно-торговых центрах.

В этом пестром социально-политическом организме совершенно особая роль принадлежала коллегии августалов. Относительно причин возникновения и природы этого института в литературе до сих пор не сложилось единого мнения. В свое время Моммзен видел в августалах жрецов³, затем он стал отрицать не только жреческий, но и сакральный характер августальства. Учреждение института августалов, по мнению Моммзена, преследовало двойную цель: покровительствовать почитанию императора в массах и открыть поле почетной деятельности отпущенникам в муниципиях, политическое положение которых в Риме было неполноправным. Вместе с тем

¹ Штаерман Е. М. Рабские коллегии и фамилии. — ВДИ, 1950, № 3.

² Schiess J. Die römischen collegia funeratica nach den Inschriften, 1888.

³ Mommsen Th. De collegiis et sodaliciis Romanorum, Kiel, 1843, S. 16.

с помощью августалов, — утверждал он, — Август намеревался обеспечить солидную статью дохода за муниципальными финансами⁴. Иначе оценивал августалов Шультен. Он называл их жрецами, но делал некоторое различие в положении Augustales, magistri Augustales, magistri larum Augustorum и seviri Augustales. И жречество, и севират он связывает с торгово-промышленными слоями империи⁵. Марквард называл августалов вторым после декурионов привилегированным сословием, состоящим из отпущенников и отчасти из свободных. Цель их состояла в религиозном почитании Августа и последующих императоров⁶. Нойман полагал, что коллегия августалов возникла еще при жизни Августа в 12 году до н. э. для введения культа гения Августа в городах Италии⁷. Это была государственная организация, назначаемая решением декурионов и ведавшая отправлением императорского культа в муниципиях.

Почти все приведенные выше положения об августалах, высказанные в немецкой историографии второй половины XIX века, подверглись обстоятельной критике в трудах известного русского ученого М. Н. Крашенинникова⁸. В частности, в своей последней фундаментальной работе об августалах и сакральном магистерстве М. Н. Крашенинников выступает против самого авторитетного в то время мнения Моммзена, объявившего, как уже указывалось, августалов фиктивной общественной магистратурой, созданной Августалом для отпущенников. На основе скрупулезного анализа огромнейшего материала нарративных, юридических, эпиграфических источников, а также новейшей литературы Крашенинников показывает, что сакральное магистерство вообще и августальство в частности не магистратура и не общественное жречество, но лишь общинная повинность (munus)⁹, оно было открыто не только отпущенникам, но всем сословиям¹⁰.

⁴ Mommsen Th. Römische Staatsrecht bd. III. Leipzig, 1883, S. 453, 454.

⁵ Schulten A. Die Landgemeinden im römischen Reich, Philologus, bd. 1894, S. 109.

⁶ Marquardt. Römische Staatsverwaltung, bd. 3. Genter, 1957, S. 197—198.

⁷ Neuman. Augustales, RE, II, S. 2354.

⁸ Крашенинников М. Н. Римские муниципальные жрецы и жрицы. СПб., 1891, его же. Августалы и сакральное магистерство, СПб., 1895.

⁹ Крашенинников М. Н. Августалы и сакральное магистерство. СПб., 1895. с. 90.

¹⁰ Там же, с. 89.

В современной литературе вопрос об Августалах и по сей день не представляется решенным. Некоторые из авторов нашего столетия продолжают стоять на позициях старой немецкой школы и по сути дела придерживаются взглядов Моммзена. Так, по мнению Тенни Франка, институт августалов был создан для того, чтобы привязать отпущенников к императорскому дому. Кроме того, этот институт имел огромную воспитательную силу, — полагает Тенни Франк, — и призван был во многом охранять римский мир от худших последствий рабства¹¹.

Сходные положения были высказаны и Даффом. *Seviri Augustales*, так же как и *magistri vici*, были определенно связаны с культом императора, утверждает он. Вводя таким образом культ императора, Август решил важнейшую задачу — обеспечить себе лояльность отпущенников¹². Это мнение оспаривается Гаже¹³: «Несмотря на видимое сходство их с *magistri vici* в Риме, ведавших культом ларов Августа и также функционировавших группами по 6 членов, ни Августалы, ни севиры не являются ни прямыми агентами, ни, тем более, жрецами, так называемого императорского культа, вещи самой по себе очень сложной». Подчеркивая разницу в понятиях августалов и севириков (и признавая, что смысл этого различия пока не поддается определению), Гаже вместе с тем подчеркивает, что и те и другие принадлежали кругам отпущенников¹⁴. Вообще в современной зарубежной литературе прочно укоренилось мнение, что институт августальства был создан для отпущенников, и именно они составляли его главную основу по крайней мере в эпоху ранней империи¹⁵. Однако это утверждение можно считать бесспорным только до определенной степени. Коллегия, а затем сословие августалов, просуществовавшее несколько столетий в различных частях римской империи, как впрочем любое другое сословие, не могло не эволюционизировать во времени и пространстве, поэтому говорить о со-

¹¹ Frank Tenney. The people of Ostia, *Classical Journal*, April, 1934, p. 490.

¹² Duff A. M. *Freedman in the early Roman empire*. New-York, 1958, p. 135, 137.

¹³ Gage J. *Les classes sociales dans l'empire Romain*. Par., 1964, p. 172.

¹⁴ *Ibid.*, p. 171.

¹⁵ Sir John Edwin Sandys Litt. A companion to Latin Studies. Cambridge, 1943, p. Samuel Dill. *Roman Society from Nero to Marcus Aurelius*. New-York, 1957, p. 215; Weaver P. R. C. *An administrative official from Treves*, *Latomus*, v. XXV, f. 4. 1966, p. 911.

ставе этого сословия и его роли в социально-экономической и политической жизни города можно только с учетом этой эволюции. Правда, в зарубежной литературе отмечалась существенная разница в составе августалов ранней и поздней империи¹⁶, в частности, в 1914 году Тейлор обратила внимание на то, что в начале III века н.э. стало трудно найти отпущенника, достойного ранга августалов¹⁷.

Еще более интересное наблюдение относительно состава августалов в городах раннеимператорской Италии было сделано Е. М. Штаерман¹⁸. Рассматривая состав августалов в различных частях Италии, Е. М. Штаерман пришла к выводу, что «севиры-августалы из либертинов наиболее часто встречаются в городах Северной Италии, в некоторых из которых они значительно превосходят число свободнорожденных сезиров... гораздо меньше их в Апулии... Мало августалов либертинов в Этрурии, в Кампании.. совсем незначительно их число в Лукании и Лации, включая и Остию»¹⁹. Кроме того, в районах латифундий и старых рабовладельческих областях в сословие августалов проникали отпущенники знатных или исключительно богатых патронов, в районах мелкого землевладения и быстроразвивающейся торговли и ремесла в это сословие был открыт путь всем богатым отпущенникам²⁰. К сожалению, Е. М. Штаерман оставляет открытым вопрос о том, почему Остия, где «число занимавшихся разными торгово-ремесленными и финансовыми операциями отпущенников весьма значительно», попала в разряд районов, где либертины-августалы составляли очень малый процент.

Вопрос о соотношении в составе августалов Остии лиц рабского происхождения и свободнорожденных далеко не единственный трудный вопрос в рассматриваемой проблеме. Были ли сословие августалов однородно в имущественном отношении? Как менялся состав сословия и его политическая роль в зависимости от экономической и политической истории города? Предлагаемая статья, разумеется, не претендует на исчерпывающее решение всех поставленных вопросов. Но нам представляется, что эпиграфический и отчасти археологиче-

¹⁶ Gage J. Op. cit., p. 370.

¹⁷ Taylor L. R. *Augustales, Seviri Augustales and Seviri, Chronological Study*, 45, 1914, p. 245.

¹⁸ Штаерман Е. М., Трофимова М. К. Рабовладельческие отношения в ранней римской империи (Италия). М., 1971, с. 112—118.

¹⁹ Штаерман Е. М. Ук. соч., с. 117.

²⁰ Там же.

ский материал Остии, особенно надписи, опубликованные после выхода в свет первой части CIL, Vol. XIV²¹, помогут частичному их решению.

В рассматриваемый период Остия, как известно, стала не только крупнейшим портом Империи, воротами Рима, через которые проходила одновременно часть грузов аннолы и импортируемых товаров самых различных стран, но и гигантским складом продовольствия, прежде всего зерна²². Но Остия должна была не только принять зерно и другие товары на свои склады, но и по возможности без промедления переправить его в Рим по Тибру, перегрузив предварительно на маленькие суда.

Таким образом, портовые работы приобретают в Остии первостепенное значение. Одновременно важнейшей отраслью производства стало кораблестроение²³. Кроме того, в Остии было развито керамическое производство. В частности, здесь неплохо было налажено изготовление кирпичей, светильников, водонапорных труб. Кроме того, в Остии были сапожники, красильщики, люди других профессий²⁴, работавшие в небольших мастерских-лавках²⁵.

Развитие торговли, ремесла, портовых служб превратило Остию в крупный центр предпринимательства. Вместе с гражданами-землевладельцами в Остии появляются судовладельцы, крупные торговцы, купцы, измерители зерна, владельцы маленьких суденышек, лодок, грузчики, гребцы, моряки, ремесленники; причем значительную часть этих людей составляли уроженцы и граждане других муниципий, иностранцы или люди, переселившиеся в Остию из других мест, чаще всего из Африки (не случайно квиринская триба, к которой Остия не принадлежала, довольно часто фигурирует в остийских надписях). Яркой иллюстрацией пестроты этнического состава торговцев и дельцов Остии является мозаика с площади корпораций²⁶: здесь широко представлены торговые корпорации из Африки, Корсики, Сардинии, Галлии и т. д. Что ка-

²¹ CIL, v. XIV, Supplementum Ostiense, 1930 ed L. Wickert. В последующих ссылках будет называться «S»). *Notizie degli scavi di Antichità*, 1953, ser. VIII, vol. VII, IX Ostia.

²² Galza R., *Nach E. Ostia*, Sansoni, Firenze, 1919, p. 69—70.

²³ Meiggs R., *Roman Ostia*, Oxf., 1960, p. 278—298.

²⁴ *Ibid.*, p. 270—273.

²⁵ Frank Tenney. *The people of Ostia*, *Classical Journal*, April, 1934, p. 489—490.

²⁶ Becatti G. *Scavi di Ostia, Mosaici e Pavimenti marmorei*, v. IV, Roma, 1964, Tav. CLXXII—CXC, p. 64—85, p. 83—139.

сается социального состава всего этого делового и торгового люда, то судя по эпиграфическим данным, основу его, без сомнения, составляли отпущенники или потомки отпущенников, т. е. лица рабского происхождения. Проникая во все поры муниципальной жизни, существенное влияние оказали они и на институт августалов, причем, если судить по именам в *Alba Augustalium*, то именно эта социальная категория составляла основу августалов вплоть до середины III в. н. э.²⁷ Установить соотношение вольноотпущенников и потомков вольноотпущенников практически не представляется возможным, так как хорошо известно, что частные отпущенники, в отличие от императорских, нередко опускали обозначение статуса, поэтому небольшое число надписей, где августалы обозначены как *либертины*, не отражает действительного соотношения отпущенников и свободнорожденных. С этой точки зрения более надежную информацию могли бы дать *Alba Augustalium*, где указание статуса возможно соблюдалось более строго. Среди многих фрагментов списков августалов, где значится несколько десятков имен, либертинский статус обозначен только в 5 случаях, причем все они появляются в одном фрагменте (S. 45631) сравнительно позднего времени (скорее всего середина III в. н. э.). Что же касается филиации, которая является несомненным показателем свободнорожденного статуса, то во всех списках она встречается один единственный раз. Следовательно, если принять во внимание приведенные данные, а также характер *согномен* лиц, указанных в *alium* (а эти *согномен* сплошь неримские, характерные для арабских имен), то можно предположить, что основную массу августалов в Остии вплоть до конца III в. составляли потомки отпущенников. Но, оперируя данными *alium*, необходимо помнить, что там сохранились имена не рядовых членов сословия, а главным образом магистратов и в первую очередь квинквеналов. Можно предположить, что в среду магистратов сословия был открыт доступ только потомкам отпущенников. Однако существуют надписи, где августалы-магистраты выступают с обозначением либертинского статуса²⁸. Правда, среди надписей августалов, где фигурирует либертинский статус, такие составляют единицы, т. е. доступ к магистратурам-либертинам действительно открывался, видимо, в исключительных случаях. Но зато потомки отпущенников, судя по *согномен*, были настоящими хо-

²⁷ S. n. 4560—4563.

²⁸ CIL, v. XIV. 355, 396, 415. Not. Scav. 50.

зя вами вплоть до середины III века, как среди магистратов, так и среди рядовых членов. Это подтверждается тем фактом, что преобладание латинских *cognomen*, не характерных для рабских имен, типа *Secundus*, *Priscus*, *Tertullus*, *Rufus*, *Manlius*, *Sextus*, *Julianus*, *Macrinus*, *Attieus*, *Sedatus* и др. (S. 4563 (5)), встречается только в самом позднем списке августалов, датируемом археологически концом III — началом IV века²⁹. Итак, *Alba Augustalium* в какой-то мере позволяет выяснить основной состав сословия августалов с конца II до середины III века. Но кроме того, этот важный источник дает возможность гораздо глубже проникнуть в организм сословия и получить представление не только о его общем содержании, но и понять отдельные составные части и — что особенно важно — выявить эволюцию их.

Выше уже отмечалось, что организация августалов в Остии не раз менялась и зависело это прежде всего от изменений в составе, который в свою очередь менялся тоже под влиянием определенных условий. Каков же был характер, тенденции всех этих изменений? Рассмотрим прежде всего, как эти изменения проявились в организации августалов.

Первое упоминание об августалах в Остии встречается уже при жизни Августа. С этого времени и примерно до конца I века они назывались чаще всего просто *Augustales* и, очевидно, не имели еще достаточно сложившейся коллегиальной организации со своей кассой, магистратурой, зданием. Так, еще при Нероне фигурирует августал Люций Аквилей Модест. Возможно, как и в других муниципиях, в Остии августалы получили коллегиальное устройство только со времени Траяна³⁰. Коллегия составлялась, по-видимому, как обычно либо вследствие избрания ее декуррионами, или путем всенародного голосования (последний способ избрания встречался значительно реже и на ранних стадиях существования Августальства). Выборы происходили в начале должностного года, в присутствии $\frac{2}{3}$ декуррионов. Излюбленным числом коллегии августалов было 6. Отсюда и название коллегии *Sexviri Augustales*. Избирались эти 6 членов на год. Пожизненное магистерство встречалось редко³¹. Полагают, что появление на-

²⁹ Wickert L.—S., p. 667; Schaal H. *Ostia der Welthafen Roms*. Bremen, 1957, S. 90; Galza R., Nach E. Op. cit., p. 93, fig. 131.

³⁰ Duff A. M. Op. cit., p. 135.

³¹ Marquardt. Op. cit., p. 202; Крашенинников М. Н. Ук. соч., с. 45—46, 109, 493.

звания *Seviri Augustales* в отличие от *Augustales* связано как раз с организацией коллегии августалов³².

Именно в этот период наивысшего расцвета Остии августалы постепенно складываются в сословие (*ordo*), которое к концу II века оформилось в сложный иерархический организм. На вершине его, судя по *Alba Augustalium*, стояли так называемые *electi* (S. 4562(1), 4562(2)), затем шли *quinquenales*, за ними в списках со 182 года значатся *quinquenales d.d.* Судя по другим эпиграфическим данным, в частности по надписи п. 367 в *CIL*, v. XIV, были в сословии и рядовые члены, то, что в списках коллегии обычно называют плебсом, и даже своя *familia Augustalium*. Кроме того, существовал отдельный список казначеев (*curatores*) сословия (S. 4560). Появление магистратуры у августалов само по себе свидетельствовало уже об определенной дифференциации в их среде. Но тогда, когда эта магистратура только складывалась, т. е. в конце I века, высшие должности, и в первую очередь *electi*, имели главным образом почетный характер. Такая же печать лежала и на их *квинквеналах*, избираемых раз в два года, хотя они обязаны были управлять делами коллегии и обладали, очевидно, большим практическим весом. К концу II века в организации магистратуры августалов произошли весьма примечательные изменения. Во-первых, происходит постепенное исчезновение *electi*: в списках 198 и 199 года их по четверо, в списках 210, 216, 239 — по одному, а начиная с 298 года они уже вообще не встречаются. Почти одновременно с этими переменами в магистратуре августалов появляется новая должность, которая в *Alba* обозначается как *q.q.d.d.* В списке 198 года таких магистратов было десять, в списке 201 — четырнадцать, столько же в 208 и одиннадцать — в 228 (S. 4562 (1, 3, 4, 6)). Соответственно и в отдельных надписях после 180 года наблюдается резкое увеличение такого рода титулатуры: *sevir Augustalis idem quinquenalis*.

Почему же появилась эта магистратура, каким образом она избиралась и почему в таком большом количестве? Ответ на этот вопрос в какой-то мере может дать разгадка аббревиатуры *d.d.* В настоящее время общепризнанно принято считать интерпретацию Дессау³³, который *d.d.* комментирует как *dato dato*. Таким образом, вместе с четырьмя *квинквеналами*,

³² Wilson F. H. *Studies in the social and economic history of Ostia, Papers of the British school at Rome*, v. XIV, 1938, p. 11, p. 154.

³³ Wilson F. H. *Op. cit.*, p. 154—155; Meiggs R. *Op. cit.*, p. 218.

которые стояли во главе коллегии и были призваны управлять ею, появилась довольно большая, очевидно, чисто почетная должность квинквенала, которая попросту покупалась за деньги. Возможно, в это время стала покупаться и должность куратора, во всяком случае, в одной из надписей (CIL, v. XIV, п. 367), датированной 182 годом, стоимость ее указывалась достаточно четко — 10 тыс. сестерциев. Отсюда понятно умножение чисто выборной должности *electi*. Явно выраженная меркантилизация магистратуры августалов в конце II века, разумеется, не была явлением случайным. Процесс этот явно отражал серьезные социально-экономические сдвиги в сословии августалов. По мере того как из почитателей Августа августалы превращались в официальную коллегию, а затем второе привилегированное сословие, доступ в него более охотно стал открываться людям не просто преданным императорскому режиму, а прежде всего состоятельным и занимавшим уже определенное положение в обществе. В Остии такими людьми были в первую очередь преуспевающие дельцы, торговцы, люди, связанные с апноной, портовыми службами и т. д. Не случайно в надписях неоднократно встречаются августалы, выступающие в качестве магистров и патронов профессиональных коллегий.

Так, сеvir-августал Люций Нуммизий Агатемер был покровителем негоциаторов из Испании (CIL, v. XIV, п. 397). Марк Корнелий Карулл Фелиципим, будучи сеvirом августалом, квинквеналом и бисселярием, был одновременно квинквеналом коллегии столичных остийских виноделов (v. XIV, п. 318), сеvir-августал Марк Корнелий Епагатиаи был патроном корпорации лодочников (п. 341). Квинквеналом коллегии перевозчиков леса был сеvir-августал Антоний (v. XIV, п. 295), коллегии плотников — сеvir-августал Люций Антолий (v. XIV, 297), корпорации измерителей зерна — влиятельный сеvir-августал и квинквенал Люций Кальпурний Хий; Люций Лепид Эутих, сеvir-августал и квинквенал в Остийской колонии и в муниципии тускуланцев, был одновременно постоянным квинквеналом коллегии строителей кораблей (v. XIV, п. 372) и т. д.

Наиболее влиятельные августалы выступали магистрами нескольких профессиональных корпораций. Так, сеvir-августал и квинквенал Люций Кальпурний Хий был квинквеналом измерителей зерна, куратором лодочников, магистром перевозчиков леса и т. д. (п. 309). Чаще всего августалы выступали членами и магистрами коллегии плотников и корпораций

анноны (CIL, v. XIV, п.п. 341, 407, 299, 418, 297, 330, 309 S. п. 4656). Это объясняется, по-видимому, прежде всего тем, что последние корпорации вместе с коллегией плотников находились почти непосредственно на службе императора. И в то же время это были наиболее влиятельные в Остии корпорации. Они были связаны через своих патронов и с муниципальной знатью, и с сенаторской, и с императорской властью, поэтому при их поддержке можно было практически попасть на любую самую высокую муниципальную должность. Кроме того, правление и патронат профессиональных корпораций составлялся главным образом из людей состоятельных, а это было как раз то качество, которое, в первую очередь необходимо было августиалам. Именно поэтому, очевидно, августиалы в Остии нередко выбирались из числа патронов и квинквенов профессиональных корпораций.

Однако к середине II века августиалы стали такой влиятельной организацией, что некоторые ведущие профессиональные корпорации стали искать их покровительства. Поэтому наиболее влиятельные августиалы становятся даже патронами этих корпораций. Так, Марк Корнелий Валерий Эпагат — августиал Лаврентийского округа — был патроном корпорации перевозчиков (CIL, v. XIV, 341). Верхушка остийских августиалов, а также средние слои принадлежали, очевидно, к числу крупных рабовладельцев. Помимо фамилии, обслуживающей сословие в целом (CIL, v. XIV, п. 367), они владели немалым числом частных рабов. Почти все надгробия должностных лиц августиалов заканчиваются характерной формулой: «своим отпущенникам, отпущенницам и их потомкам».

В социальном составе августиалов рассматриваемого периода обнаруживается еще одна примечательная особенность. В списках и фастах сословия, колумбариях отдельных фамилий и надгробий иногда встречаются отпущенники, принадлежащие одной фамилии. Чаще всего это отпущенники, преуспевающие в торговле и промышленности Эгрилийев (v. XIV, п. 345, S. п.п. 4559, 4803, 4641), но встречаются и новые имена. Так в Alba Augustalium среди 50 имен (S. п. 4563), помимо шести A. Egrilius, шесть Q. Tyranpius, четыре Anpius, семь августиалов имели пометку императорских фамилий: Флавию, Юлию, Элию, Аврелию. Определенные фамилии августиалов прослеживаются и в отдельных надгробных и посвячительных надписях. Так, в надписях (v. XIV, п.п. 411, 412) выступают августиалы отец, сын, отпущенник Gn. Sergius. В надписях (v. XIV, п.п. 415—417) четыре отпущенника дуумвира Кая

Силлия Нервы обозначены как августалы. Августалы, отмеченные отпущенниками других августалов, встречаются также в CIL, v. XIV, п.п. 420, 427, 428 и других.

Таким образом, так же как и в профессиональных корпорациях, в коллегии августалов уже к концу II века наблюдается создание определенной кастовости. При этом кастовость теперь нередко откровенно покупается для своих родственников и отпущенников состоятельными патронами-августалами. Так, в одной из надписей (п. 367) указывается, что Публий Гораций Хрисерот, богатый сеvir-августал и квииквенал, из пожертвованных им 50 тыс. сестерциев 10 тысяч выделил своему сыну Сексту Горацию Хрисерциану на почетное звание куратора. Из другой надписи (п. 316) известно, что после кураторства такому почитаемому за деньги лицу, как правило, представляется почетный квииквеналитет.

Итак, к концу II века в среде августалов Остии складывается определенный слой людей, у которого появляются первые признаки кастовой замкнутости, и этот слой играл заметную роль в экономической жизни города и не без основания претендовал на привилегированную роль в обществе и муниципальном управлении. Во-первых, к концу II века, когда в Остии обнаружались первые признаки экономического упадка³⁴, сословие августалов превратилось в своеобразную коммерческую организацию, от денежных взносов которой во многом зависело благополучие муниципия. Кроме того, августалы могли оказывать определенное давление на муниципальное правление через влиятельные профессиональные корпорации, где они, как уже отмечалось, нередко выступали в качестве магистров и патронов.

Одним из ярких свидетельств того, что августалы занимали в Остии заметное положение, является тот факт, что они имели свое здание (сравнительно небольшое, но богато украшенное)³⁵. Обращает на себя внимание и тот факт, что потомки некоторых августалов проишкали в высшее сословие и на муниципальные службы³⁶, причем потомкам знатных августалов, видимо, сделать это было гораздо легче. В этом плане особенно интересно содержание надписи, где сообщается, что отпущенника **Кан** Силлия Феликса, знатного августала, деку-

³⁴ Wilson F. H. Op. cit., p. 153—159.

³⁵ Galza R., Nach E. Op. cit., fig. 127, 130; Shaal H. Op. cit.,

³⁶ CIL, v. XIV, п. 411, 415, 431. S. 4553, 4671.

рионы решили похоронить на общественный счет. Сын Нерва, занимающий почетную должность, отклонил издержки. Далее следует надгробная надпись Нерве, сыну Кая Силия, выбранному декретом декурионов дуумвиром³⁷. Подобное решение совета декурионов состоялось и в отношении сына августала Гнея Сергия (CIL, v. XIV, p. 411). Чтобы обеспечить себе определенное положение в обществе и обеспечить карьеру своим потомкам, августалы использовали, очевидно, и матримонные связи. В этом плане интересна надпись, где сообщается, что Онезим сеvir-августал, квииквентал и куратор сословия, был женат на дочери Эгрилия Патерна Эдила, ликтора, фламينا божественного Веспасиана, жреца Волкана (S. 4641). Но необходимо заметить, что надписей, свидетельствующих о проникновении потомков отлученников в более высокие сословия, очень немного и почти все они датируются I — началом II столетия.

В конце II столетия появляются подписи иного типа, когда, например, декуриона колонии Остии избирают декурионом и августалом *vici Laurentium* (п. 341) или когда Остийского августала избирают августалом в муниципии тускуланцев (п. 372). Появление такого рода надписей в конце II века, по всей вероятности, тоже не было случайным. Дело в том, что именно в этот период в Остии появляются первые признаки обнищания и упадка сословия декурионов³⁸. В 182 году зафиксирован первый случай, когда декурионам было выделено пособие по 5 денариев, причем выделил это пособие из своих личных средств августал Публий Горацій Хризер (п. 367). Позднее выделение таких пособий стало обычным делом и выдавалось через довольно короткие интервалы. Естественно, что в таких условиях положение и титул декуриона в какой-то мере обесценился и возможно положение августала стало более почетным и влиятельным. Поэтому к концу II века не только потомки, и сами августалы проникают в среду декурионов. Но нельзя себе представлять дело таким образом, что сословие декурионов в целом ницало, а сословие августалов целиком обогащалось. В конце II века в связи с определенными экономическими сдвигами в Остии и в Римской империи вообще стал просто более интенсивно проходить процесс имуществен-

³⁷ CIL, vol. XIV, n. 415. 1) C Silio Epaphrae liberto Felici majori Augustali. Hunc decurionem funere publico efferendum censuerunt. Nerva filius honore usus impensam remisit. 2) C Silio C f Voturio Nervae decurionum decreto allecto II viro.

³⁸ Wilson F. H. Op. cit., p. 153.

ной и социальной дифференциации в любом сословии, в том числе и среди декурионов и августалов, повлекшее за собой привилегирование сословий. Достаточно сказать, что в 182 году тот же самый Хрисер выделил пособие не только декурионам, но и августалам. О том, что среди августалов этого периода были люди и малосостоятельные, свидетельствует не только приведенный факт и иерархия магистратур, представленная в *Acta Augustalium*. Достаточно взглянуть на многочисленные надгробия августалов, чтобы сразу бросилось в глаза разительное отличие в положении тех, кому они были поставлены. Очень скромны надгробия рядовых севиоров августалов, многие из которых поставлены им отпущенниками и близкими (п.п. 287, 308, 427, 393, 361, 433 и др.). Гораздо большей пышностью и многословием отличаются надгробия и посвятившие себя падисии должностных лиц сословия, которые, напротив, ставят надгробия не только себе, но своим отпущенникам и потомкам, некоторые из которых жертвуют довольно крупные суммы для раздачи рядовым августалам, как это делали состоятельные граждане в отношении люмпен-пролетарских слоев городского плебса³⁹.

Итак, еще раз необходимо подчеркнуть, что с ростом сословия августалов и усилением его влияния в муниципии богатело и усиливалось не все *ordo Augustalium*. Вместе с усложнением организации августалов шел интенсивный процесс расчленения внутри сословия. И когда речь идет о росте экономического и политического могущества августалов, необходимо иметь в виду не все сословие, а только его привилегированные, правда, довольно широкие слои. Значительная часть сословия разорялась и нищала, о чем ярче всего свидетельствуют денежные пожертвования в пользу рядовых членов сословия.

Следовательно, эволюция остийских августалов определяется не просто превращением коллегии в могущественное сословие, а еще и глубокими изменениями в самом этом сословии.

В заключение необходимо подчеркнуть следующее. В конце II века, когда Остия пачала вступать в полосу финансового кризиса, коллегия августалов стала одним из способов выкачивания денег у состоятельных дельцов, преимущественно либертинского происхождения, и пополнения муниципальной и государственной казны. Но поскольку муниципальная казна стала во многом зависеть от имущих августалов, политическая

³⁹ CIL, v. XIV, n. n. 377, 373, 431. S. n. 4558.

роль последних в городе должна была неизмеримо возрасти, и именно с этого момента должна была обнаруживаться тенденция замены муниципального самоуправления подчинением императорской власти. Важнейшая роль в этом процессе принадлежала августиалам. Усиление их влияния означало усиление в муниципии императорской власти. Вот почему современные исследователи именно конец II века считают временем начала упадка муниципия⁴⁰, когда независимая муниципальная администрация подменяется зависимыми от императорских декурionsами и августиалами, финансирующими муниципальную казну.

Е. А. МОЛЕВ

УСТАНОВЛЕНИЕ ВЛАСТИ МИТРИДАТА ЕВПАТОРА НА БОСПОРЕ

Предметом настоящей статьи является тот период в истории Понтийского царства, когда оно предприняло попытку объединить города в племена Черноморского побережья под своей властью. Важным шагом к этому было установление власти Митридата VI Евпатора на Боспоре.

Об этом событии сохранилось не так уж много сведений. Прежде всего отметим сведения Страбона, который в немногих словах сообщает о положении Боспора перед подчинением его Митридату и совсем коротко говорит о добровольной передаче власти Митридату Перисадом V, царем Боспора, называя причину этого события (Strabo, VII, 4, 3—4). Страбон ничего не говорит о том, как была оформлена эта передача и как она происходила. Некоторую информацию об этом дает херсонесский декрет в честь Диофанта¹ (IOSPE., I², № 352). Но его сведения касаются только непосредственно процесса пере-

⁴⁰ Реск Н. Т. *Municipium*, Harpers dictionary of Classical Literature and Antiquities; New-York, 1962, p. 1058.

¹ Херсонесский декрет был найден в 1878 году. Его публикация: Юргевич В. Н. Псефисм древнего города Херсонеса о назначении почестей и наград Диофанту, полководцу Митридата Евпатора, за покорение Крыма и освобождение херсонесцев от владычества скифов. — ЗОИИД. 1881, XII; Foucart R. Décret de la ville de Chersonesos. Bulletin de correspondance hellénique, 1881, V; Dittenberger. Sylloge inscriptionum graecarum, ed. 3, N 709; Латышев В. В. Inscriptiones graecae orae septentrionalis Ponti Euxini, ed. 2, N 352; Reinach T. Mithridate Eupator, roi de Pont. Paris, 1890, прил. II; Minns E. Scythians and Greeks. Cambridge 1913, с. 647 сл.